ЭРНСТ КРЕЧМЕР

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЮЗ

Санкт-Петербург
1998

ББК 88.6
К79

Психология и социология:
страницы классики
Серия основана в 1998 г.

Ernst Kretschmer
Medizinische Psychologie
Перевод с немецкого

Издание подготовил проф. *Вал. А. Луков*

ISBN 5-87852-078-8

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

В последние годы обнаружилось прежде всего в пограничных физиологических областях медицинской психологии большое и живое движение. Достаточно здесь вспомнить только об эйдетическом направлении исследования *Иенша*, об интенсивной обработке патофизиологии моторных ганглиев ствола и психопатологии Encephalitis epidemica <*лат.*: эпидемический энцефалит>, далее о выяснении проявлений и центров вегетативной нервной системы и промежуточного мозга, связывающих с исследованием строения тела психологию эндокринных нарушений, о перестройке учения о рефлексах и результате опытов войны для дальнейшего развития учения о гнозии и о синдромах лобного мозга. Из всего этого после долговременного заметного застоя в отношениях между физиологией и психологией возникло множество новых знаний, постановок вопросов и точек зрения для их группировки, а также и для собственно психологии. Эта внезапная перемена в настоящем новом издании проявляется в том, что введена новая часть с несколькими главами, изображающая главные психические функции в их отношении к анатомо-физиологическому устрой... а работ ... надеж- ... я мозга ... стракт ... деталь- ... ований

щей воспитательные цели литературе часто изображается как нечто, не имеющее существенного значения для телесного и душевного развития человека. Это, конечно, неверно. Во всяком случае, есть люди, которые под влиянием этого подвергаются сильным душевным изменениям, искажениям и реактивным душевным расстройствам. Особенно касается это женщин, у которых половая жизнь занимает более значимое место в психике, чем у мужчин, и у которых брак одновременно является и профессией. В прежнее время, до того, как у женщин появилась возможность проявить свои способности в разных профессиях, незамужняя пожилая девушка вытеснялась из области плодотворной деятельности и в самых неблагоприятных случаях обрекалась, как это и теперь нередко бывает, на жалкое существование, преисполненное мелочей материальной нужды, в узком кругу таких же старых дев, ограниченном горизонтом провинциального городка. Давно известен идущий отсюда педантичный, кислый, жеманный, ханжеский характер. Мы уже говорили об образовании половых замен, пристрастиях и странностях этого типа, порожденного средой. Нормальные эротические потребности у добропорядочных лиц этого круга проявляются в склонности к профессиональному сватовству в кругу родных и знакомых, у менее же добродушных, — наоборот, в склонности к злостному разнюхиванию и сплетням, касающимся сексуальной репутации других людей.

На почве социальных жизненных раздражений у стареющих дев особенно легко развиваются истерические конверсии, агрессивные настойчивые жалобы на мнимые ухаживания, принудительно-невротические или сензитивно-параноические идеи на почве этических сомнений, или конфликты с неугасимым половым влечением, или же своеобразно тихие, кататимные формы любовного бреда, когда в течение долгих лет с уверенностью ожидается, например, давно исчезнувший возлюбленный или какой-нибудь робко, издали обожаемый человек, ставший поздно предметом любви.

Мы выбрали здесь лишь немногие, особенно типичные примеры воздействия среды; было бы излишним перечислять их все.

Таким образом, все характерологическое выясняется на почве изучения предрасположений темперамента и воздействий среды; оно проявляется и обнаруживается в постоянном *взаимодействии характера и его переживаний*. Мы рассмотрим теперь некоторые основные типы переработки переживаний и сопоставим их с индивидуальными особенностями структуры личности.

Глава 12

ПЕРЕЖИВАНИЯ

Комплекс и сверхценная идея

Под переживанием мы понимаем окрашенный эмоцией душевный комплекс, который самостоятельно выступает в сознании. Из равномерного течения психических функций там и тут, как острова, выплывают сильно аффективно окрашенные более узкие соединения представлений и восприятий, которые со своей стороны приобретают широкое, определяющее влияние на дальнейший психический процесс. Только такие выделившиеся отдельные группы мы и называем переживаниями. Станет ли впечатление переживанием или нет — это зависит не только от силы соединенных в нем внешних факторов, но и от интрапсихической констелляции переживающего индивида. Незначительный маленький кивок головы может стать для влюбленного предметом силь-

ного переживания, долго господствующим над его мышлением и действиями.

Наоборот, вид волнующегося моря, могущий стать для жителя материка сильным переживанием, рыбаком уже совершенно не отмечается как таковое.

Только у определенно предрасположенных людей сильные аффективные переживания, особенно неприятного свойства, имеют иногда тенденцию становиться чем-то вроде инородных тел и так сильно отделяться от устремляющегося дальше потока психических явлений, так обособляться, что даже при желании отделаться от них не удается. Они не поглощаются, не могут быть просто забыты, но и не могут быть использованы для актуальных психических процессов. Они образуют самостоятельные энергетические побочные центры, которые тягостно воздействуют на общий психический процесс, давно уже продвинувшийся вперед, нарушая его. *Такие энергетические побочные центры мы называем комплексами*[4]. Они имеют большое значение для возникновения нервных заболеваний и реактивных психозов. Отдельные типы темпераментов предрасположены к комплексам в разной степени. Циклотимики обычно непосредственно перерабатывают раздражения от переживаний приятного или неприятного свойства так, как они их получают. Гипоманиакальный тип, веселый, подвижной, как ртуть, без внутренних задержек, наивно и без остатка отдающийся каждому новому впечатлению, не знает никаких отдельно действующих комплексов. У меланхолика же легко возникают доминирующие идеи, но не комплексы, его депрессивные страхи согласуются с его общим душевным процессом, а не откалываются от него. *Шизотимики*, а среди них особенно нервные гиперестетики, напротив, очень склонны к комплексам. Их комплексы, эти изолированные отщепления и заторы в течении их аффектов, основаны на тех же самых *расстройствах проводящих путей* в целостном аппарате, благодаря которым часто их психомоторность делается также неровной, угловатой и задержан-

ной. Но и у преимущественно анестетических шизотимиков, внешне кажущихся в высшей степени холодными, даже у глубоко индолентных старых клинических шизофреников мы находим в самой глубине часто некоторые специфические, сверхчувствительные комплексы.

В зависимости от предрасположенности характера человека его комплексы занимают различное положение по отношению к сознанию. У одного они преимущественно сферичны — они не могут быть изжиты в центре души, но беспокоят его и мешают, подымаясь с периферий, из темных глубин его сознания. Такие сферические комплексы основаны чаще всего на кататимном *вытеснении*. *Задержкой*, напротив, мы называем такие комплексы, которые постоянно с мучительной отчетливостью находятся в центре сознания. Вытеснения образуют главную базу для истерических типов реакции, задержки же — для сензитивных (принудительно-невротических и сензитивно-параноических).

От комплексов следует отличать другой вид сильных аффективных переживаний, а именно *сверхценные идеи* (uberwertige Idee). Кого-то, допустим, несправедливо, по его мнению, осудили во время судебного процесса. Переживание обиды охватывает всю его душу, оно на долгое время становится главным содержанием его жизни. Он обращается во все инстанции, ничего не видит и не слышит, кроме того, что имеет отношение к его «большому делу». Это — сверхценная идея. Она не является энергетическим побочным центром, но, скорее, единственным главным центром, не откалывается, а сливается с целостной личностью. Вся личность согласуется с сверхценной идеей, отдавая ей добровольно всю имеющуюся в ее распоряжении психическую энергию; личность растворяется в идее, отождествляется с ней, идея является ее ядром и вершиной. Человек, который тот же самый процесс пережил бы как комплекс, старался бы, наоборот, отделаться от тягостного впечатления поражения в суде, забыть его, перейти к другим, более

приятным привычным жизненным задачам, есть, пить и спокойно работать. Но как раз ему, как раз при таком привычном энергетическом течении психического процесса комплекс постоянно противопоставлял бы известные помехи.

Сверхценные идеи принадлежат к числу важнейших побудителей человеческих действий. Сверхценная идея собирает «в наименьшей точке величайшую силу», а потому она особенно подходит к сверлящему, проникающему вглубь мышлению, к некоторым видам исследовательской и изобретательской деятельности, вообще к процессу достижения концентрированных высоких результатов. В любви и в политике возникают сильнейшие сверхценные идеи, тиранически сводящие к себе все мышление и делающие человека слепым ко всему постороннему. В области психопатологии мы находим сверхценные идеи при экспансивном развитии и в несколько иной непродуктивной форме при реактивной депрессии.

Как же действуют сверхценные идеи и комплексы на общий душевный процесс, в частности на ассоциативную деятельность и на память? Сверхценная идея действует, как полюс магнита на железные опилки. Все укладывается концентрически вокруг нее и направлено на нее. Вся энергия устремляется к ней, все мысли в ней соотносятся. Кругозор, следовательно, сильно сужается. *Сверхценная идея* выбирает всегда из имеющегося в ее распоряжении материала лишь те наблюдения и воспоминания, которые ей подходят или могут быть обращены в ее пользу; все то, что не имеет для нее цены или ей противоречит, исключается из сознания и не находит отзвука. Она, следовательно, действует на память и наблюдательность, сильно преобразуя их; воспоминания у умов, неспособных к сопротивлению, могут в короткое время превратиться в нечто, противоположное себе. Таким образом, сверхценная идея имеет двоякий результат: 1) *суженный душевный кругозор* с кататимным подбором психического материала и 2) склонность к *идеям отношения*, которая у психопатов может привести к систематически построенным параноическим бредовым представлениям.

Воздействие комплексов понять не так легко. Можно, например, провести следующий ассоциативный опыт: взяв ряд безразличных отдельных слов, присоединим к ним несколько таких, по отношению к которым мы предполагаем у исследуемой личности комплексную аффективную окрашенность, и предложим ей быстро отвечать на раздражение от каждого сказанного ей слова первым попавшимся ей словом. Тогда при ряде нейтральных слов мы получаем реакцию почти всегда очень быстро, приблизительно в тех же самых коротких промежутках времени. Если же между этими словами попадется отдельное слово, которое заденет комплекс или вообще аффективно окрашенную группу, то мы получим значительное удлинение времени реакции, а также и влияние комплекса на ответное слово по содержанию. То же мы отмечаем и при повседневном наблюдении: комплексы нарушают плавный процесс мышления. У кого есть комплекс, тот рассеян, неровен в своем внимании, многое прослушивает. Подобным же является и влияние комплекса на психомоторную сферу. Люди с таким комплексом легко оговариваются, неловко себя ведут, роняют предметы и т. п. Такой же капризной и не поддающейся учету под влиянием комплекса делается и функция памяти, в частности воспроизведение воспоминаний: вдруг мы не можем вспомнить хорошо знакомое нам имя или число; цитируя знакомое стихотворение, мы застреваем в знакомом месте, или мы явно ошибаемся в каких-нибудь данных, в знании которых до сих пор были уверены.

Такие *ошибочные реакции*[5] имеют иногда большое психологическое значение, которое легко может использовать искусный диагност. Они могут указать нам путь к комплексам, которых их носитель не хочет признать за собой или которые сферически локализованы, а потому недоступны ему самому. Между прочим, они при-

водят не только к комплексам в узком значении слова, здесь употребленном, но и к аффективно окрашенным представлениям вообще. Интересный пример приводит Юнг[6].

Некто хочет процитировать известное стихотворение Гейне: «Ein Fichtenbaüm steht einsam» («На севере диком стоит одиноко»). На строчке «In schläfert» он останавливается, он не может вспомнить продолжения «Mit weisser Decke». Когда его, взяв эти слова за исходную точку, заставили отдаться свободным ассоциациям, он образовал следующий ряд: «При «weisser Decke» (белом покрове) думаешь о саване... о полотняном покрове для покойников... (пауза)... теперь мне вспоминается один близкий друг... его брат совсем недавно внезапно умер... говорят, он умер от разрыва сердца... Он был также очень дороден... мой друг тоже дороден, и я уже думал о том, что его может постигнуть то же самое... он, наверно, слишком мало совершает моцион... когда я услышал об этой смерти, то на меня нашел страх, что и меня может постичь то же самое, так как в нашей семье есть склонность к ожирению и мой дед также умер от разрыва сердца. Я нахожу себя тоже слишком тучным и на этих днях начал курс лечения от ожирения».

Здесь кроется сильно аффективно окрашенный ипохондрический комплекс у корня нарушения процесса припоминания. Таким же образом при схематическом ассоциативном опыте, исходя из слов с удлиненным временем реакции, мы можем заставить свободно ассоциировать исследуемую личность и таким образом докопаться до комплекса. Так иногда мы можем дойти и до патогенных комплексов в истерии или принудительном неврозе, если нам не удается получить их в прямом исследовании. Мы обозначаем некоторые виды обусловленных комплексом ошибочных реакций как *симптоматические действия*, и прежде всего действия, которые происходят между прочим и бессознательно, например, когда комкают бумагу, роняют обручальное кольцо, опрокидывают вазу и т. п. Такие действия могут выдать иногда известную аффективную тенденцию, например неприязнь к подарившему обручальное кольцо, в которой не хотят сознаться, хотя не следует за каждой пустячной неловкостью или забывчивостью искать важный комплекс. Правда, в душевной жизни все детерминировано до малейшей детали, но не всегда именно комплексом.

Как же разрушаются комплексы и сверхценные идеи? Разряжение таких сильно аффективных групп называют *отреагированием* (Abreagieren). Многие из этих комплексов, в нормальной психологии большинство, постепенно разрушаются сами собой; они распадаются и теряют свою аффективную ценность. Они подлежат в конце концов *изнашиванию* (Usur) вследствие продолжительности времени, как и вообще материал нашей памяти. Другие разряжаются вдруг в неожиданной вспышке гнева или в каком-нибудь *аффективном действии*, после чего наступает отчетливое чувство облегчения. Так, у определенно предрасположенных людей комплексы (воспоминания о тягостной ситуации, натянутые отношения на почве прежней обиды) долгое время могут пролежать скрытыми, как подземные мины, пока кто-нибудь нечаянно не подожжет фитиль и не произойдет сильный взрыв. Это может случиться совершенно неожиданно. Так, старый кататоник, неделями лежавший в неподвижном оцепенении, может внезапно вскочить, наградить пощечинами нового пациента и сразу же впасть в состояние оцепенения. Возможно лицо этого пациента мимолетным сходством напомнило ему человека, который давным-давно его обидел.

Подобные явления встречаются и в нормальной психологии. Непонятные симпатии или антипатии по отношению к определенным лицам могут быть обусловлены неопределенным родством со скрытыми старыми комплексами.

Комплексы также могут быть отреагированы в том случае, если создается для них возможность *психомоторного проявления*; все подобные меры уменьшают или совсем уничтожают мучительный затор аффектов. Так, благоприятно действует простое основательное *сообще-*

ние о пережитом врачу или доверенному лицу, то, что называют исповедью. При вытесненных, ясно несознаваемых комплексах необходимо введение их в область сознательной душевной деятельности и отчетливое, *конкретное продумывание*, приведение их в связь с общим запасом всех представлений личности и включение в него, следовательно, уничтожение их изолированности. В данном случае с человеком происходит то же, что и с лошадью, которая пугается темных, смутно беспокоящих ее предметов; если же заставить ее разглядеть пугающий предмет, она спокойно и уверенно пройдет мимо. В таком случае требуется большой такт со стороны врача. Существуют также вещи, которые лучше оставить в покое и которые постепенно устраняются благодаря изнашиванию памяти (Gedäctnisusur); если же в них копаться, они снова мучительно оживут. Нужно почувствовать в разговоре, подействует ли раскапывание комплексов мучительным или облегчающим образом. Тот, кто не обладает достаточной деликатностью, вообще не должен заниматься утонченной психотерапией.

Мы уже упоминали о том, что *сублимация* является одной из ценнейших форм при отреагировании сильных побудительных тенденций даже комплексной структуры. Мы должны отвести в правильное русло сильные источники энергии, содержащиеся в комплексах и сверхценных идеях, а именно привести их к психомоторному разряжению в форме продуктивных волевых действий. Чем больше при этом избранное направление деятельности попадает в рамки содержащейся в сублимированной форме (в комплексах и сверхценных идеях) побудительной тенденции, тем значительнее будет успех. Поэтому деятельность и работа являются ядром и путеводной звездой всей психотерапии, местом выхода всех психических энергий. Нужно комплексы *«употребить в работу»* в энергичной мыслительной деятельности и объяснении с самим собой или еще лучше в действиях во вне. Именно не проработанная энергия пережива-

ний является в первую очередь тем, что создает разными запутанными обходными путями ложные искривления и ответвления общего потока душевной жизни — неврозы и реактивные психозы.

Психические переживания как причина

Если мы находим комплекс в корне какого-нибудь невроза, или мотив переживания — источником какого-нибудь действия, мы часто не можем считать себя удовлетворенными. Нередко приходится слышать следующие вопросы: «Начал ли какой-нибудь политический деятель свою карьеру из личного честолюбия, корысти или из любви к общему благу?» Такие вопросы в большинстве случаев ошибочны в своей основе, потому что душевное расположение к какому-нибудь действию не складывается из одного или другого мотива, а из всех возможных в данной ситуации побуждений, только в различных соотношениях. Из такой неправильной постановки вопроса охотно делается следующий популярный вывод: я доказал наличие у данного политического деятеля личного честолюбия, следовательно, он не мог действовать из любви к общему благу.

В действительности же дело обстоит так. При возникновении какого-нибудь действия образуется *узел мотивов*, если выразиться более общим термином, психический каузальный узел, который может воспринять и объединить одной общей целью энергетические частичные компоненты из самых разнообразных источников. Побудительная сила результирующего действия является в таком случае вполне целостной и единой и соответствует сумме вошедших в нее энергетических частичных компонентов. Часто, если мы отнимем у политического деятеля его денежные выгоды, он будет добросовестно работать на благо родины, но аффективный порыв, с которым он станет это делать, может значительно уменьшиться.

Наиболее осознанным в такой группе мотивов в большинстве случаев является этически наиболее ценный мотив, между тем как банальные эгоистические или низкие мотивы, энергетически принимающие, быть может, более сильное участие, в большинстве случаев в сознании представлены слабо, главным образом сферически. Элементарно-побудительные мотивы особенно часто вытесняются в пользу уточненных этических обоснований, при этом нельзя сказать, что это лицемерие, что высший этический мотив совсем не принимал участия в качестве условия этого действия, а был только ширмой для мотива эгоистического или побудительного. В действительности нужно было бы сказать, что в это действие вошел целый ряд более сильных и слабых мотивов и в таком узле мотивов обычно этически наиболее ценный является доминирующим в сознании, а наиболее элементарно-побудительный — доминирующим в динамическом отношении. Умный психолог-практик, скорее, потребует от какого-нибудь этического действия или направления жизни большой доли побудительности и здорового эгоизма, если он должен доверять его силе и продолжительности, ибо динамическая выносливость чистого этического идеализма у большинства людей бывает очень хрупкой и слабой.

Сюда присоединяется еще один важный факт, аналогичный тому, что нам дают наблюдения над взаимодействием между волей и рефлексом. Если мы попробуем по своей воле и с полным сознанием усилить какой-нибудь находящийся в действии рефлекс, насильно его форсируя и подталкивая, то это нам не удастся. Напротив, как только мы присоединим волевой импульс совершенно диффузно и между прочим, волевой и рефлексный импульсы сольются. В результате возникает естественный смех, кашель или дрожь. Совершенно подобным же образом обстоит дело и с мотивами. Если бы приведенный нами для примера политический деятель каждое мгновение отдавал себе отчет в том, что он занимается политикой: а) из честолюбия, в) из корысти,

с) из патриотизма, — эти три мотива очень плохо соединялись бы в однородную побудительную силу его действий. Следовательно, гетерогенные импульсы очень плохо сливаются при полном свете сознания, и чем дальше от центрального пункта сознания, тем более гетерогенные импульсы могут превращаться в однородную побудительную силу. Таким образом, слияние импульсов — преимущественно сферическая функция.

Сделаем свод таких простых, но часто забываемых правил образования мотивов:

1. *Большинство душевных реакций вытекает не из одного мотива, а из узлов мотивов.* В них оказывается гораздо больше мотивирующих компонентов, чем мы поначалу этого ожидаем.

2. *В узле мотивов имеется тенденция к тому, чтобы этически наиболее ценный импульс являлся доминирующим в сознании, а наиболее элементарно-побудительный — доминирующим в динамике.*

3. *Слияние импульсов является преимущественно сферической функцией. Чем дальше от центрального пункта сознания, тем более гетерогенные импульсы могут сливаться.*

В области неврозов мы находим яркие примеры, подтверждающие эти правила.

15-летний сын крестьянина подвергается лечению, в связи с тем, что каждую ночь он с испугом вскакивает из полусна, видит собаку, которая скалит на него зубы, после чего мальчик в страхе подбегает к спальне родителей, стучит в дверь, воет и ведет себя, как бешеный, если ему не открывают. Он часами сидит перед дверью и не дает никому спать. Этому предшествовало следующее. Незадолго до того мальчик ездил в город. Там его в трактире внезапно укусила выскочившая из-под печки собака. 2. Его будущая мачеха, находясь тогда на правах невесты в доме его отца, четыре недели ухаживала за его раной; при этом в конце концов мальчик влюбился в нее и сделал ей предложение, сказав, чтобы она не выходила замуж на отца, а подождала 6 лет, и тогда он сам женится на ней. 3. Когда она отклонила его желание полового общения и стала насмехаться над ним, назвав его маленьким уваль-

нем, он сделался очень упрямым, стал по отношению к ней в острую оппозицию, ссылаясь на то, что она хочет его вытеснить с его первенствующего, после смерти матери, положения в доме и уменьшить долю его будущего наследства. Он по этому поводу высказал отцу принципиальное возражение. Свадьба, несмотря на это, состоялась за несколько недель до того, как разразился невроз. 4. Он кое-что украл и боялся, что об этом узнают.

В предполагаемом динамическом сочетании причин этого невроза мы наблюдаем четыре следующих гетерогенных побуждения, или комплекса: два комплекса боязни различной окраски и совершенно различных источников (боязнь собаки как следствие укуса и боязнь обнаружения кражи); затем два комплекса протеста различного характера, направленных против мачехи (бешеная половая ревность и борьба за деньги и власть в доме). В ночных невротических сумеречных состояниях энергетические компоненты из этих совершенно различных аффективных комплексных источников сливаются в единую результирующую — в невротическое аффективное действие, аффектом-носителем которого является гомогенная смесь боязни и бешенства и которое в виде результата кульезным образом имеет в виду две цели: разрядить страх и одновременно с этим основательно нарушить счастье брачных ночей мачехи. При этом в результирующем действии можно непосредственно проследить два, даже три комплекса, а именно боязнь собаки в галлюцинации и бешенство против родителей в продолжающемся часами упрямом шуме перед их дверью, в то время как о страхе, вызванном воровством, мы знаем только, что он имел место в то же самое время и также содействовал нарушению аффектного равновесия. Это типичный пример того, как наши мотивы и действия (и не только невротические), сливаясь в темных сферических глубинах нашего сознания, питаются самыми разнообразными и не похожими друг на друга комплексными источниками.

Формы переживания

Какие же группы переживаний являются в душевной динамике наиболее сильно действующими или легче всего вызывающими, что то же самое, неврозы или реактивные психозы? Клинический опыт дает нам совершенно определенный ответ. *Самыми сильными переживаниями всегда являются те, что вызваны элементарными побуждениями.* На это нам одинаково указывают картины истерических, параноических и принудительно-невротических заболеваний — трех главных групп психогенного душевного расстройства. При этом в неврозах взрослых людей, не имеющих тесного соприкосновения с жизненной нуждой, на самом первом месте как патогенный фактор стоит половое влечение. Можно сказать, что помимо неврозов, вызванных войной и несчастными случаями, а также детских неврозов, по крайней мере, три четверти всех реактивных душевных расстройств основано на половых комплексах, начиная с сильно аффективных представлений, связанных с самим половым актом, с онанизма, бессилия, извращенности, воздержания, coitus interruptus <*лат.*: прерванный половой акт>, боязни беременности или заражения, через различные формы морально-половых сомнений, несчастную любовь, нарушение брачной верности, разрыв брака, ревность, зависть к чужому браку, вплоть до самых сложных душевных дисгармоний, корни которых находятся в половом влечении.

Так как нервные дети часто обнаруживают извращенное и слишком раннее половое развитие, то и *в детских неврозах* половые комплексы играют большую роль, и неврозы взрослых могут корениться в половых переживаниях детства. Порождая комплексы, прежде всего на детей действует онанизм со страхом наказания за него, подобным же образом влияет на них чтение запрещенных книг, подсматривание половых актов и подслушивание разговоров взрослых, затем те извращения, которые иногда у детей-психопатов можно четко проследить

уже в самом раннем детстве: мазохистское половое возбуждение при побоях, садистские (мучение животных) и гомосексуальные побуждения, наконец, преждевременная настоящая влюбленность, например, с обнаруженными желаниями инцеста по отношению к собственной матери и т. п. Напротив, другие виды детской истерии психологически построены совершенно просто, они являются не чем иным, как мимолетными реакциями на неблагоприятные домашние или школьные условия: избалованность матерью, страх перед отцом, учителем, боязнь спать в темноте, простое подражание истерическим выходкам матери, братьев, сестер или товарищей по школе.

Угроза инстинктам самосохранения действует, вызывая патогенные переживания в ярких картинах ужаса, в неврозах, порожденных войной и несчастными случаями. Страх за жизнь и здоровье в его медленно подкрадывающейся форме влечет за собой целые полчища *ипохондрических* комплексов, лежащих в течение долгих лет, как кошмар, на личности, способных парализовать работоспособность и лишить жизнерадостности. По отношению к этим коварным душевным вредителям врач несет главную ответственность, так как он одним словом может их устранить или вызвать. Правда, очень часто реакции ужаса, как и ипохондрические реакции, «сверхдетерминированы», в их каузальный узел кроме боязни за жизнь вошли либо половые комплексы, либо обиды по службе, либо желание денег. Можно стать ипохондриком на почве возмещения рентных убытков или получения пенсии либо будучи обойденным при производстве в чин или (и прежде всего) на почве сексуальных угрызений совести, из-за онанизма или половой болезни.

Особенно странный оборот дело принимает *в реакциях ужаса*. Какой-нибудь пустяк, выскочившая мышь, может при некоторых обстоятельствах вызвать у человека самые тяжелые переживания, в то время как серьезная жизни бесследно пройдет мимо него.

Одна дама[7], несколько лет тому назад, во время революции, бесстрашно переходившая в Петербурге улицу при свисте пуль, возвращалась вечером домой в обществе гостей. Вдруг быстро едущий за ними экипаж повергает ее в сильный ужас, она теряет голову и до тех пор бежит перед лошадьми, пока не падает, обессиленная, и при продолжительной истерической реакции ее относят обратно в дом, где она была в гостях.

Анализ дает следующее: 1) ребенком она пережила ужас от опасного для жизни эпизода с лошадью, упав вместе с экипажем в реку; 2) она борется с подавляемым чувством любви к хозяину дома, который, правда, в эту ночь сделал ей пламенное признание. Итак, в данном случае мы снова имеем каузальный узел совершенно гетерогенных первичных комплексов: старых воспоминаний ужаса и нового любовного желания. Они лежали готовыми в сфере сознания; новое переживание ужаса, если можно так выразиться, попало в насыщенный раствор: еще маленький толчок — и все это кристаллизуется. Такие подготовленные душевные ситуации называют *констелляциями*. Как раз реакции ужаса и боязни в своем появлении и степени силы часто в значительной мере зависят от сферических констелляций. Также и совершенно гетерогенные комплексы, ничего общего не имеющие с ужасом, могут, как мы это видели в нашем примере, действовать констеллирующим образом при условии сферического слияния импульсов.

Подобный бессмысленный испуг от лошади я недавно наблюдал у стареющей девушки, младшая сестра которой только что обручилась, причем сама она должна была играть по отношению к этой младшей сестре роль Золушки. Она сильнейшим образом испугалась проезжавшего мимо экипажа и в результате была не в состоянии ни стоять, ни ходить, так что сама стала центром семьи, получая самый заботливый уход.

В данном случае испуг подготовлен завистью, жаждой любви и лучшей доли. Подобным же образом довольно часто гетерогенные влияния, как, например, по-

давленная ненависть, старые половые комплексы и т. п., скрываются за бессмысленными представлениями страха и фобиями, за навязчивыми опасениями смерти любимых близких, убийства собственных детей, а также за курьезными приступами страха при виде мышей, крыс, гусениц, вспархивающих птиц, змей.

Нам не нужно объяснять, что *стремление к материальному благосостоянию* или, наоборот, *боязнь материальной нужды* являются важнейшими возбудителями больших групп простых неврозов, — они хорошо знакомы каждому врачу-практику, проводящему экспертизу по поводу присуждения ренты. В то время как материальные стремления масс чувственно окрашены нуждой или завистью (ressentiment), что мы наблюдаем в неврозах, возникших на почве ренты, эти же стремления у вождей, промышленников и капиталистов специфически окрашены борьбой за власть. Соответственно этому мы находим и другие виды неврозов, так, прежде всего настоящую неврастению, истощение нервов из-за чрезмерной работы при условии тяжелого напряжения воли и ответственности, затем острые нервные кризисы, а у циклотимиков — настоящие задержанные депрессии в виде реакции на опасное положение дел, конкуренцию, забастовку или материальный крах.

Несмотря на то что значительно преобладающей по силе и частой повторяемости, главной массой всех факторов, вызывающих переживания и вместе с тем неврозы, являются три основные группы инстинктов — половые, самосохранения и питания (или заработка), мы все же не должны проходить мимо более мелких групп важных переживаний, которые возникают не непосредственно из побуждений, главным же образом из *социальных констелляций и этических чувств*.

Переживание изолированности, душевного одиночества вызывает самые различные формы глубоких душевных волнений. Такой является своеобразная группа *реакций тоски по родине* у молодых девушек (см. гл. 13), которые могут повлечь за собой такие типичные и неожиданные действия, как поджог или убийство детей, чаще же порождают преходящее легкое душевное заболевание в форме реактивных депрессий или общих нервных недомоганий. Таковыми же являются и *реакции, вызванные лишением свободы*, которые особенно ярко проявляются у находящихся под следствием, в одиночке или у сидящих в длительном заключении в исправительном доме. Они проявляются либо в форме острых взрывов аффектов, либо в форме истерических или реактивных шизофренических механизмов, либо, наконец, как хронически кататимные бредовые состояния (бред помилования), идеи сутяжничества (Querulantenideen) и преследования. Еще более хронический характер воздействия имеет, подобно среде, *глухота*, так как она создает из-за длительного одиночества и отсутствия удобного душевного общения с окружающими раздражительное и подозрительное состояние души, из которого может развиться исполненный страха бред преследования. Психологически родственным является перенесение в *среду, чуждую по языку*, что у примитивных людей, например, во время войны у восточноевропейских солдат, вызывает иногда острые маниакальные реакции страха[8].

Ближе всего к переживаниям изолированности стоит *смерть любимых близких*. Она часто вызывает у циклотимиков реактивные депрессии, реже — мании. На шизоидных психопатов и скрытых шизофреников она оказывает своеобразное воздействие, особенно в тех случаях, когда в период половой зрелости и после него сохраняются сильные пережитки инфантильной связи с матерью. Смерть матери дает иногда сигнал к острой шизофренной катастрофе; или же чувство внезапной беззащитности дает вспышку сензитивного бреда — придания всему особого значения по отношению к себе. Мать или сестра могли быть последним хрупким звеном между осиротевшим и миром, его окружающим. После их смерти по контрасту возникает непонятная холодная ненависть к остальным близким или происходит замена в образе женщины, несколько более взрослой, которая становится

одновременно матерью и возлюбленной, что создает своеобразно колеблющийся оттенок эмоции.

Типичную роль при возникновении экспансивных реакций, в частности бреда сутяжничества (Querulantenwahn), играет переживание нарушенного *права* и *оскорбленной чести*. В многочисленных неврозах, возникших на почве ренты, наряду с воздействием переживания ужаса, жажды наживы, страха перед материальной нуждой, ипохондрической боязливостью играет роль и сознание правовой ущемленности. Из этих различных компонентов у невротика на почве ренты могут создаться своеобразно колеблющиеся смещения всей его аффективной установки. Переживанию мнимой или действительной ущемленности со стороны суда или ведомства близки известные конфликты, связанные с *чиновничьей карьерой*. В то время как «ошибочное призвание» может вызвать длительно искаженную установку личности (например внутренние затруднения теологов поневоле), такие переживания, как обойденность по службе, преждевременная отставка, легко способствуют возникновению тяжелых аффективных реакций, нервных состояний, депрессий и особенно параноических установок, вплоть до подлинного бреда притеснения. В психологическом отношении хронические конфликты с начальством или строптивыми подчиненными часто также могут иметь очень серьезное значение.

Рессентимент и борьба за власть

Теперь нам остается рассмотреть две типичные *констелляции*, имеющие основное значение не только как острые реакции переживания, но и как длительно сохраняющаяся окраска общего фона человеческих чувств и всей жизненной установки. Это *рессентимент* и *борьба за власть*.

Под *рессентиментом*[9] <*фр.*: озлобленность> мы подразумеваем комплексную установку чувств людей, действительно или мнимо обойденных в жизни; порожденные завистью и нуждой жизненные воззрения; представление о перспективе жизненного падения; сверлящее, постоянно возобновляющееся чувство скрытого внутреннего возмущения; типичную установку слабого против сильного, бедного по отношению к богатству, безобразного по отношению к красоте, больного, вырождающегося и увядающего по отношению к здоровью и молодости; и вместе с тем здесь отмечается тенденция к кататимной переоценке, придающей слабому и бедному этически более высокую ценность. Рессентимент может быть источником самых идеальных и самых низменных этических импульсов, в зависимости от того, как мы его будем рассматривать. Здесь же мы не будем его рассматривать ни с той ни с другой стороны, а просто рассмотрим его как психический феномен. Добрая часть этики культурных народов исторически возникла из возмущения большинства слабых против угнетающего меньшинства, против бессердечного использования, обладания собственностью, властью и духовным превосходством за счет побежденных в жизненной борьбе. Высоко одаренные люди, сами пострадавшие, бывшие бедными, больными или душевно слишком легко уязвимыми, выразили свое сочувствие страдающим в словах, которые открывают новые общественные эпохи. Это можно проследить на христианской этике, а особенно хорошо — на личности *Руссо*. На известных стадиях культурно-исторического развития рессентимент и сострадание приводили почти к полному видоизменению нормальных масштабов ценностей, к тенденциозному, иногда граничащему с извращением, этическому предпочтению духовно бедных, голодных и беспризорных, нищих и больных, грязи, лохмотьев, чумной вони и вместе с тем к недооценке сильной, здоровой, жизненной работы, которая воспитывала общественных паразитов в таком количестве, что это влекло за собой, как, например, к концу средних веков, тягчайшие бедствия. Этот антагонизм между моралью господ и рабов, между ин-

дивидуализмом и социализмом и теперь еще серьезно влияет на медико-социальные вопросы, на карательно-правовую оценку, на общественное попечение о детях и на уход за душевно больными, и еще совсем недавно он снова освещался в вопросе о праве уничтожения (*Хох* и *Биндинг*) общественно неценных жизней.

Обратной стороной сострадания и альтруистической этики являются скрытая или явная зависть и ненависть ничтожного по отношению к великому, тенденция очернить то, что блестит и затоптать в грязь возвышенное или, по крайней мере, из-за легких уколов и притеснений считать себя самого не терпящим никакого, даже малейшего ущерба. В этих маленьких средствах очевидны воля к власти, тенденция подняться снизу вверх. У сильных натур это проявляется как открытая *борьба за власть*, доверяющая только собственной силе и не считающаяся с обществом. В культурно-историческом развитии, протекающем, как известно, в антитезах борьбы за власть, индивидуалистическая мораль господ временно была вновь провозглашена (*Ницше*)[10] в противовес крайностям альтруистической этики.

Психология неврозов отчасти дает интересное отражение этой борьбы за власть между побежденными и победителями[11]. Как раз многие из истерических механизмов являются не чем иным, как *неврозами*, в основе которых скрыта определенная цель и которые имеют в виду *самозащиту*; они являются маленькими и часто удачными средствами слабых и нервных индивидов, направленными к тому, чтобы подняться и восторжествовать, несмотря на неравную игру, над умом и могущественными средствами сильных и здоровых. Мы наблюдаем это в массовом эксперименте над неврозами, вызванными войной и несчастными случаями, где людям, душевно слабо одаренным, удавалось часто ввести в обман умных и склонить их к состраданию и вниманию с помощью производящих впечатление, но неглубоких истерических действий, удавалось даже достичь существенных преимуществ перед сильными и здоровыми. Выше

мы уже приводили пример стареющей девушки, которой ее истерическая реакция ужаса помогла улучшить и даже совершенно переменить положение в семье: из безобразной, игнорируемой всеми, неспособной Золушки по отношению к счастливой, обручившейся сестре она превратилась сразу в центр семьи, обслуживаемый и ценимый всеми с заботливой любовью.

В основе таких невротических семейных отношений лежит особый род уравновешивающей справедливости, но иногда и тягчайшая ирония. В случаях, когда истерический ребенок тиранит родителей ужасающими судорогами и припадками бешенства, а холодная, ищущая наслаждений жена «своим припадком» или всегда наступающим в нужный момент обмороком делает своим рабом здорового мужа, проявляются рессентимент и борьба за власть. Истерический невроз часто является продолжением борьбы за власть, но только другими средствами. Часто мы не можем не усмотреть в этом холодного расчета, но, возможно, еще чаще чувства рессентимента являются сферическими, диффузными, скрытыми в душевных глубинах, а вытекающие из них невротические реакции — инстинктивными или полуинстинктивными, как реакция самосохранения у преследуемых маленьких животных. Только *многозначительная улыбка*, непроизвольно обнаруживающаяся на лице многих истериков во время демонстрации или припадочных симптомов, выдает скрытый триумф слабого над сильным.

Важную роль могут играть рессентимент и борьба за власть и *в развитии характера*. Первичные линии предрасположения какой-нибудь личности могут быть подчеркнуты, усилены или, наоборот, сглажены потребностями жизненной борьбы. Если при этом у личности недостает сил к развитию, то возникают всякого рода половинчатости, кажущиеся образования и обманчивые видимости, действующие как настоящие составные части личности, но являющиеся не чем иным, как «мерами предосторожности» (*Адлер*), намеченными позициями,

слабыми форпостами для того, чтобы провести и запугать противника.

В таких случаях возникает то, что называется *сверхкомпенсацией*, т.е. чрезмерно сильная подчеркнутость некоторых качеств, которые должны скрыть внутренне осознанную слабость. Нередко приходится наблюдать, что горбатые, физически безобразные и незаметные люди особенно тщеславны, они элегантно и тщательно одеваются и причесываются. Постаревшая, действительно безобразная, карликообразная барышня привыкла в своем шизофренном психозе к карикатурной слащавой улыбке, с которой всех спрашивала: «Ну, разве нет во мне чего-то очаровательного?» За усиленным курением сигар, откашливанием, хвастовством, демонстрацией мускулатуры полувзрослых юношей скрывается, хотя они в этом и не признаются, сознание полусозревшей мужественности. Неоднократно осмеянное чванство выскочки выдает его недостаточную уверенность в общении с высшим обществом. «Отсутствие собственной ценности» и «поиски собственной ценности» (Sellbstwertleere, Seibstwertsuche у *Штофха*[12]) определяют многое в ложных, искаженных, чрезмерных и карикатурных чертах характеров вырождающихся истериков и шизоидных анестетических психопатов, а именно поиск производящей сильное впечатление внешности при полном отсутствии внутри необходимых для этого данных, ту судорожную, производящую то смешное, то почти трагическое впечатление борьбу, направленную на то, чтобы ненастоящими средствами произвести настоящее впечатление, изображая избалованного литератора с пустотой в сердце или проявляя теплое человеческое чувство там, где нет никакого отзвука на человеческие страдания.

Гораздо тоньше проявляется сверхкомпенсация в некоторых чертах характера *сензитивных типов*. Моральная скрупулезность принудительного невротика возникла в результате борьбы с сильно извращенными или распутными половыми влечениями. Чрезмерная мания величия нежных натур ученых и художников берет начало из постоянных полупоражений их слабой нервной системы под суровыми жизненными ударами.

Так в течение жизни развивается сверх первичных основ влечений и темперамента личности целая надстройка компенсаций, гарантий, торможений. Как «фиктивные руководящие линии» (*Адлер*) возникает роль «идеального я», образ собственной личности, какой она кажется самому человеку и желательна и другим. Эти фиктивные линии образуются как опыт приспособления к окружающей среде и могут в различных отношениях сильно искривляться, а вместе с тем изменять развитие характера в целом под давлением соответствующего переживания. «Идеальное я», таким образом, сильно воздействует на первоначальные возможности реакций личности. Так, нервозный человек с определенным зачатком темперамента в зависимости от действующих на него течений эпохи, духовных идеалов, факторов воспитания может создавать один раз фиктивные руководящие линии человека-господина, другой — человека страдающего, блаженство мученика или умного стоика, третий раз — избалованного эстета и усвоить для себя в жизни соответствующие формулы реакций. Дегенеративный истерик меняет свое «идеальное я» часто, как бы играя, подобно театральным ролям. У других жизненная роль переходит в иные роли катастрофично, как будто непонятно, но внутренне вполне осмысленно; так бывает во многих обращениях (в новую веру), например у Толстого. Но опытный глаз легко разглядит основы темперамента и влечений сквозь это фиктивное «идеальное я», ибо многие роли подходят только к определенным темпераментам и одна и та же жизненная роль при различных темпераментах имеет характерные оттенки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эрнст Кречмер

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ответственный редактор *В. А. Луков*
Компьютерные набор и верстка *Н. И. Луковой*
Корректор *И. Н. Мокина*

ЛР № 040712 от 14.04.95 г.

Сдано в набор 20.12.97. Подписано в печать 29.01.98. Формат 84×108[1]/32.
Гарнитура Журнальная Новая. Печ. л. 14,5. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Бумага типографская. Заказ № 351.

Издательство «Союз».
195197, Санкт-Петербург, ул. Васенко, д. 6.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат»
(типография им. Володарского) Государственного комитета РФ по печати.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.